

НИЗОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО УВЕКОВЕЧИВАНИЮ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ В СССР: КЕЙС ГОРОДА РУДНЯ

Мария Вятчина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Аспирантка 2 курса
maria.vyatchina@gmail.com

Анна Юдкина

независимый исследователь
a.b.yudkina@gmail.com

Мемориальная политика в СССР в период после 1945 г. развивалась под влиянием многочисленных факторов, однако Холокост никогда не становился отдельным ее объектом¹. Как отмечает А. Ассман в работе «Новое недовольство мемориальной культурой», понятие мемориальной культуры охватывает гораздо большее, нежели государственные мемориалы и выступления государственных функционеров или публичных политиков: мемориальная культура «опирается на живую активность гражданского общества, осуществляющуюся в виде бесчисленных исторических проектов [...]. Импульс для локальных инициатив рождается в конкретных населенных пунктах, жители которых слой за слоем открывают для себя свою историю»². Память о трагедии находит воплощение в виде публикации воспоминаний, обращений к теме в публичных выступлениях, в виде музейных экспозиций и мемориалов. Но кем были эти люди, которые “слой за слоем открывали свою историю”?

В данном докладе мы попытаемся ответить на вопросы о мотивах и формах активностей людей, которые организовывали мемориальные проекты. Территориальные рамки исследования охватывают Смоленскую область, где в 2015 г. проходила полевая школа по иудаике Центра “Сэфер”. Данные интервью были дополнены архивными изысканиями в Смоленске, Москве и Иерусалиме³.

¹ Вопрос о мемориальных практиках, связанных с Холокостом в СССР на общегосударственном уровне, рассматривается в работах М. Альтшулера, А. Зельцера и т.д. Они указывают, среди прочего, на такие ключевые события, как работа Антифашистского Еврейского комитета или публикация стихотворения о Бабьем Яре Е. Евтушенко.

² Цит. по: Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2016. С.70.

³ Материалы собраны благодаря программе Центра «Сэфер» по поддержке исследований в области иудаики (грант Genesis Philanthropy Group).

Далее будет рассматриваться низовая инициатива по мемориализации Холокоста в городе Рудня Смоленской области с использованием данных о подобных мемориальных активностях в населенных пунктах Смоленской области и на других территориях СССР.

Кейс Рудни показателен по ряду причин. Во-первых, памятник был создан по проекту известного советского архитектора Л. Кербеля и представляет собой не типичную стелу, как в остальных обследованных населенных пунктах⁴, а мемориал со статусом памятника культуры. Во-вторых, в архиве центра “Яд Вашем” удалось обнаружить источники, в которых **задокументирован**[1] ход работ по сбору пожертвований и установке памятника (1964–1969 гг.), проводившийся силами инициативной группы земляков. Таким образом, кроме устных свидетельств (интервью) и официальных документов (материалов Совета по делам религий), репрезентирующих специфику надзорных органов, мы получили источник, в котором мемориальный проект представлен “автобиографически”, то есть от лица участников инициативной группы.

Между памятными знаками и мемориальными инициативами

Среди исследовательских взглядов преобладают две точки зрения на то, от кого исходили мемориальные инициативы: согласно первой, установлением памятников занимались только родственники погибших (память как личная и семейная идентификация, память как дело общины)⁵, согласно второй — память о Холокосте существовала в диссидентской среде⁶. Так, в исследовании политики советского государства по отношению к иудаизму С. Чарный отмечает, что «борьба за право обустройства мест захоронения погибших во время Холокоста⁷» была одним из видов деятельности еврейских общин. Нельзя исключать ни ту, ни другую точку зрения, как и то, что эти группы могли пересекаться. Для данного исследования важен подход, при котором локальные инициативы рассматриваются как grassroots, то есть «движения снизу». Исходя из этого, мы выделяем четыре группы акторов, участие которых предопределяло успешность того или иного мемориального проекта в советский период: «еврейская община/родственники», «лояльная администрация», «активисты» и «неравнодушные граждане». У каждой из этих групп была своя функция. С

⁴ Материалы о памятниках жертвам Холокоста (разной степени полноты) собраны в следующих населенных пунктах Смоленской области: г. Смоленск, г. Рославль, г. Рудня, п. Монастыршина, п. Шумячи, д. Вязовеньки, д. Петровичи.

⁵ *Альтиулер М.* Деятельность евреев по увековечению памяти о Холокосте в Советском Союзе в эпоху Сталина // *Яд Вашем: Исследования*, 2009. С. 171–192.

⁶ *Макаров А.* Неофициальная память о Холокосте в СССР: пролегомены к исследованию // *Гефтер*. 2013. URL: <http://gefter.ru/archive/10859>.

⁷ *Чарный С.* Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период "оттепели": 1953–1964. Диссертация на соискание степени к.и.н. М., 2008. С. 104.

распадом СССР изменились стратегии взаимодействия, а также появились новые акторы (например, религиозные организации — среди них Союз евангельских христиан-баптистов; социальные инициативы — международный проект по мониторингу захоронений «Вернуть достоинство» и т.д.).

Контекст: памятные знаки о «погибших советских гражданах»

На территории СССР установление мемориальных знаков на местах расстрелов началось практически сразу после освобождения оккупированных территорий, то есть еще до фактического окончания войны. Далее наблюдается некая лагуна, которую можно объяснить антисемитизмом (“Дело врачей”) и ужесточением государственной политики в отношении еврейских общин. Если посмотреть на даты сооружения памятников жертвам Холокоста на Смоленщине, то можно увидеть отчетливую тенденцию открытия официальных монументов в 1960-е гг. Почему именно в этот период?

1) Во-первых, на это время пришелся очередной виток антирелигиозной кампании, который “спровоцировал” необходимость нахождения новой формы поминовения погибших, до этого осуществлявшейся в рамках религиозной традиции. При этом донесения в Совет по делам религии сообщали, что Таборная гора на 9 мая становилась местом сбора: «В День Победы 40-60 евреев собираются на Таборной горе, у памятника (место расстрела евреев в период оккупации)»⁸. Эта практика фиксируется надзорными органами на рубеже 1970-1980-х гг. и подтверждается данными интервью; не исключено, что подобное происходило и ранее.

2) Во-вторых, в указанные годы наблюдается “мемориальный бум”, который сопровождает крупные и важные даты, какими на тот момент были 50-летие Революции и 20-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Это было бы невозможно без наращивания некоторого экономического потенциала: страна, по большей степени, преодолела в производственном отношении последствия войны. Следует отметить, что 20-летний юбилей Победы был отправной точкой в большом проекте мемориализации и создании культа Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что тема Холокоста никак не включалась в программу пропаганды, можно предположить, что этот “мемориальный бум” позволял легитимизировать низовые инициативы по сооружению памятников.

В этом отношении необходимо различать **установку памятного знака** и **мемориальный проект**. Мемориальная активность не ограничивалась одним лишь фактом

⁸ Документы о деятельности групп иудейской религии (миньен) в г. Смоленске и в г. Рославле за 1977-1981 гг. // Государственный архив Смоленской области (далее — ГАСО). Ф. Р-985. Оп. 3. Д. 35. Л. 1.

создания памятника — скорее, это можно назвать целью, которая достигалась решением целого ряда задач. В данном кейсе мемориальный проект понимается как групповая инициатива по увековечиванию памяти о погибших. Рассмотрим подробнее на примере кейса г. Рудни репертуар активностей по созданию памятника.

Основным источником для изучения кейса поселка Рудня стали документы из архива Яд Вашем — это папка, состоящая из разнородных документов без соблюдения хронологического принципа, переданная на хранение в конце 2000-х гг.⁹ Фактически, это летопись работы инициативной группы в 1964-1969 гг. К сожалению, имя человека, передавшего документы, не позволяет узнать, каким образом они к нему попали. Внешний анализ дает возможность предположить, что папка была сформирована кем-то из участников инициативной группы. Помимо протоколов собраний, выполненных на печатной машинке, списков имен погибших, перечней денежных переводов на установку памятника и сопутствующие работы, в папке хранятся вырезки из газет с информацией о памятном событии и копии писем чиновникам.

Деловая переписка, которая велась непрерывно с 1964 г. (согласно датировке самого раннего документа), «эволюционировала», о чем говорит изменение языка документов, включение копий и появление пометок, в скольких экземплярах выполнен тот или иной бланк. Например, в самом раннем письме к администрации подписанты именовали себя «инициативной группой», затем использовали личные данные в виде имен и фамилий, а с октября 1964 г. в бланках писем появляются дополнения в виде ранжированных чинов/статусов участников инициативной группы. Возглавляет список «Подполковник в отставке», далее следуют «Майор в отставке», «Подполковник», «Кандидат технических наук», «партизанка Великой Отечественной войны», «Пенсионер-инвалид Великой Отечественной войны», «Работник госплана» и замыкает его «пенсионер».

Почему они «сообщают об этом в Москву»? Алгоритмы работы с властной географией

Документы содержат минимальное количество биографических данных: адреса для переписки, указание на статус или звание, выписки из корреспонденции с эпизодами военной жизни (истории спасения и эвакуации, вести с фронта). Сами инициаторы мемориального проекта именуют себя в документах «инициативной группой». Однако анализ материалов дел и фамилий, а также косвенных данных, позволяет сказать, что движение по установке

⁹ Yad Vashem Archives [далее — YVA]. О. 37/121; YVA. О. 41/1044.

памятника в Рудне было начато родственниками погибших. Важно заметить, что все они территориально находились вне Руднянского района. Более того, документы, датированные временем после установки монумента, имеют географические привязки, из чего становится ясно, что инициативная группа имела два важных центра организации денежных сборов – в Москве и Ленинграде. Этот факт можно объяснить наибольшей концентрацией земляков в двух крупнейших советских городах. В одном из писем члены Ленинградской инициативной группы в письме выражают благодарность участникам Московской группы, что указывает на разделение функций: практически всю переписку до момента установки памятника вели москвичи, а подписи ленинградцев относятся к документам позднее 1967 г., когда стали вестись работы по облагораживанию прилегающей территории.

Перечисления денежных средств – это то, что маркирует группу «неравнодушных граждан». География подписчиков крайне обширна (Крым, города Центральной России, Сибирь). Можно предположить, что денежные переводы (а это второй по популярности способ «содействия» после передачи лично в руки одному из участников инициативной группы) производились на два или три адреса — в зависимости от того, кто сообщал о денежном сборе или кто с кем состоял в постоянной переписке.

Изменения в языке коммуникации инициативной группы и чиновников касаются не только формы подписи. Группа начинает презентовать себя в переписке как «Инициативная группа», хотя первые письма подписывались от имени родственников погибших. Меняется и тональность: если в первых письмах используется личное местоимение «мы», то впоследствии группа отправители переходят на нейтральную ноту третьего лица — неопределенное «они» («инициативная группа связалась»). Подавление эмоциональности¹⁰, как и ряд перечисленных выше признаков, указывает на укрепление канала коммуникации с административными органами, освоение жанра чиновничьей переписки, что не в последнюю очередь предопределило успешность проекта.

Отталкиваясь от сформулированной А. Юрчаком идеи о развитии авторитетного дискурса и перформативном сдвиге в СССР, можно утверждать, что в документах инициативной группы мы видим пример того, как проявлялась стандартизация формы письма. При этом решающим фактором становилось то, что «чем более стандартной и повторяющейся становилась форма авторитетных высказываний и символов, тем *менее*

¹⁰ В этом отношении показательно, насколько иным десятилетием ранее был язык переписки еврейской общины г. Рославля с московскими и областными органами по вопросу деятельности молельного дома и ухода за местом расстрела. В письмах рославльские евреи перманентно указывают на свой статус «бедных стариков».

стандартным и предсказуемым был смысл, который мог соответствовать этой форме в различных контекстах”¹¹. Сложно говорить напрямую о способах манипуляций с письмом, но из документов видно, что такой метод письма оказался включенным в систему властных коммуникаций.

В числе адресатов инициативной группы значатся огромное количество организаций: от районных органов до канцелярий министерств; от Смоленского похоронного треста и Мытищенского завода, который изготовил плиты для гравировки имен жертв, до Руднянского завода по изготовлению сгущенки, к которому инициативная группа обратилась с просьбой взять шефство над памятником. Все документы соответствуют обобщенному делопроизводственному стандарту: имеются датировки, указание страниц, подписи, аккуратные списки в виде таблиц, не говоря уже о протоколах собраний этой неформальной организации, которые воспроизводят шаблон протокола заседаний советских партийных органов. Тот факт, что поверх печатных листов содержатся пометки о получении средств ручкой, свидетельствует, что протоколы отпечатывались на машинке в скором времени после встречи участников группы.

Умение ориентироваться в административной системе и грамотное распределение ресурсов проявилось, например, в том, что данные о нерешенной проблеме немедленно сообщались в Москву. Так, после известия об усадке фундамента памятника члены группы позвонили в г. Смоленск и о. управляющему треста Смоленксельстрой № 1 товарищу Бойко, как сообщается в протоколе от 29 мая 1968 г. Последний «заверил, что фундамент будет срочно отремонтирован и был удивлен, что Руднянские организации не обратились по этому вопросу непосредственно в трест, *а сообщают об этом в Москву*¹²» [курсив наш — М. В., А. Ю.]. В документах группы не упоминаются жители Рудни, которые бы принимали активное участие в работах. Можно предположить, что землячество воспринималось местными чиновниками не только (и не столько) как инициативная группа, а как некая надзорная, связующая с Москвой, организация. Таким образом, можно сделать вывод, что территориальная удаленность участников мемориального проекта от места, где проект был осуществлен, играла важную роль — как в смысле статусности («подполковник») и компетентности членов группы, так и с точки зрения их определенной смелости, навыков решения вопросов («не-провинциальный подход») и обращения к административным структурам.

¹¹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 93.

¹² Письмо председателю райисполкома г. Рудня // УВА. О. 41/1044. Л. 74.

«Инициативная группа справилась со своей задачей»: что дальше?

Можно попытаться реконструировать этапы «биографии» мемориального проекта. Очевидно, что существование большого числа выходцев из Рудни в Москве и Ленинграде предопределило появление двух центров мемориального движения, которое, в первую очередь, занималось сбором адресов земляков на разных территориях и информационной рассылкой о ходе работ. В 1964 г. московская часть инициативной группы организовала эксгумацию в Рудне, после которой началась кампания по подготовке проекта памятника. Помимо финансовой стороны, необходимо было заручиться поддержкой местной и областной администрации. В этот момент впервые в документах фигурирует имя Льва Ефимовича Кербеля, который на тот момент был молодым скульптором, но уже «остепененным» званием лауреата Сталинской (1950 г.) и Ленинской премии (1961 г.). Во время поездки в Смоленск Кербель, очевидно, передал просьбу руднянского землячества, потому что в следующих письмах к нему речь идет о подготовке самого памятника. В результате мемориал «Скорбящая мать»¹³ был возведен с использованием проекта Л. Е. Кербеля, а на постаменте были написаны слова смоленского поэта Н. Рыленкова. Особую роль землячества подчеркнул сам скульптор, подписывая фотографию-образец памятника, адресованную, по всей видимости, поэту: «Это еще не весь памятник. Это его главная часть. Вырублен в камне для г. Рудня. Мне приятно соседство муз, означающее крепость уз двух земляков».

Согласно текстам документов, участники инициативной группы считали временем окончания работы по проекту июль 1969 г. Это следует из письма Ленинградской инициативной группы (которая, судя по всему, обеспечивала завершающий этап) в Москву: «При сем сопровождается протокол совещания Ленинградской инициативной группы по сооружению памятника в г. Рудне, из которого видно, что все работы завершены. Выражаем Вам искреннюю благодарность за участие в сборе средств. Желаящие могут посетить памятник, а также гранитные плиты с начертанными на них фамилиями погибших, начиная с 20 июля 1969 г.».

* * *

Случай г. Рудни — во многом уникальный. Эта успешная мемориальная инициатива советского периода завершилась установкой памятника (в остальных случаях на территории

¹³ Здесь мы сознательно не останавливаемся на подробном анализе иконографии образа «Скорбящая мать», который заслуживает отдельного рассмотрения. См. об этом: *Тимофеев М.Ю.* Помни о Матери-Родине! Конкурирующие места памяти // *Лабиринт.* 2015. № 4. С. 43–63; *Рябов О. В.* «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // *Женщина в российском обществе.* 2015. №. 3-4. С. 76–77.

Смоленской области мемориалы на местах, связанных с Холокостом, представлены однотипными стелами), выполненного по проекту известного скульптора. Данный факт — художественная ценность вкупе с мемориальной значимостью — позволили инициативной группе уже через два года после открытия мемориала обратиться в областную администрацию с просьбой обеспечить уход за «памятником культуры»¹⁴, что свидетельствует о еще одном аспекте успешности проекта: не только построить мемориал, но и убедиться в минимальном внимании к нему в последующем.

¹⁴ В 1968 г. участники инициативной группы сигнализировали в письмах в областную администрацию о случаях вандализма. Логичным выглядит предположение, что присвоение памятному знаку статуса памятника культуры могло быть вызвано опасениями за его дальнейшую судьбу.